

Воскресенье, 20 мая 1951 г., № 116 (9224)

К 175-летию Большого театра

ВМЕСТЕ С НАРОДОМ

Никогда еще в истории человечества искусство не приобретало такого поистине великого значения, как в нашу эпоху — эпоху строительства коммунизма. И никогда еще не была так велика ответственность работников искусства перед народом.

Правительство, родная большевистская партия, лично товарищ Сталин уделяют так много внимания артистам, драматургам, художникам, композиторам — представителям всех жанров искусства, что невольно спрашиваешь себя: чем же я отплачу за это, чем отблагодарю народ, вырастивший меня? Каков мой вклад в наше общее дело, какова ценность моих трудов?

Великий Октябрь распахнул двери учебных заведений перед юными дарованиями из глухих деревень и рабочих поселков, и бывшие батраки, подпаски, коногонны из шахт, подмастерья, ткачихи заполнили классы музыкальных училищ и консерваторий. Я и все мои сверстники принадлежим к старшему артистическому поколению нашей страны. Бережно растит нас рабочее государство, вооружало знаниями, развивало таланты.

Мы учились не только в школах, — учились у жизни, что кипела вокруг. Страна восстанавливала разрушенное хозяйство, — и мы выезжали на стройки, давали концерты в заводских цехах. Крестьяне объединялись в колхозы, — мы выступали перед колхозниками. Народ выполнял пятилетний план в четыре коротких года, — и мы, артисты, стремились все свои скромные силы, все свои знания, все способности отдать на пользу великому делу. Как к большому экзамену, готовились к каждой встрече, — кому много дано, с того много и спросится. А нам дано было очень много: признание народа.

В упорной борьбе со старым, отживающим росло и развивалось руководимое партией искусство социалистического реализма. Как гордился мы, артисты Большого театра, что этот лучший музыкальный театр советской страны живо откликается на все новое, как страдал, когда не находили в творчестве наших композиторов произведений, достойных народа. Это была мирная, горячая, счастливая пора — наши предвоенные будни.

Когда фашистские полчища вероломно напали на Советский Союз, многие задумались. Кому теперь нужно наше искусство? Не правильнее ли будет с оружием в руках защищать свое Отечество? Какой толк в песнях, когда гремят пушки? Так казалось до первой встречи с бойцами, до первой фронтовой землянки.

Бригада артистов столичных театров и мы, из Большого, приехали под Воронеж. Город был разделен надвое, — в одной его части уже хозяйничали фашистские изверги. С началом концерта пришлось подождать: не подошла еще смена с передовой. Но вот все собралось. В концертном зале была на эстраду Кругликова. Я не помню, когда, в какой еще день она пела с таким подъемом.

Просветленные лица, горящие глаза, гром аплодисментов... Аплодировали воины, только что вышедшие из-под обстрела и вскоре снова идущие в бой. Хотелось петь для них бодрые, веселые песни. Хотелось развлечь их, дать отдых дорогим, близким людям. А они потребовали от меня арию Сусаннины. Отбирая репертуар, мы думали, что это слишком мрачная вещь. И как мы ошиблись! Настоящего высокого и патристического искусства ждал от нас народ, — без скидок, без сусальности! Глинка, Чайковский, Даргомыжский были дорогими гостями на передовых позициях борющегося за свободу и счастье народа.

За одиннадцать дней мы дали двадцать пять концертов, — в различное время суток, в разных условиях.

Потом было еще немало поездок в части действующей армии, в освобожденные

города. Начав обслуживать фронтовых частей под Москвой, в Сталинграде, в Крыму, артисты Большого театра прошли вместе с Советской Армией весь ее славный путь, закончив его в Берлине, у здания германского рейхстага, где выступали в памятные майские дни 1945 года. В госпиталях и тыловых частях, на оборонных предприятиях было дано свыше десяти тысяч шефских концертов.

А теперь Большой театр взял шефство над колхозниками Таловского района, Воронежской области.

Колхозники не только любят, но и глубоко понимают, ценят искусство. В этих маленьких залах люди не аплодировали «из вежливости». Мы не слышали надоевших «бис» и «браво», этих затрепанных иностранных словечек, неизвестно почему уцелевших в нашем языке. Нам кричали по-русски: «повторите», и мы с удовольствием повторяли, — певцы, музыканты, артисты балета. Здесь мне тоже «заказывали» арию Сусаннины, арию Греммина из оперы «Евгений Онегин», мельника из «Русалки».

Мы прослушали участников художественной самодеятельности. Хормейстер Большого театра А. Савва дал им указания, советы. Мы передали им ноты. К сожалению, с самодеятельностью в Таловском районе не все обстоит хорошо. Желающих заниматься в кружках много, а настоящей работы с ними не ведут.

С большим волнением готовились мы к поездке на строительство Цимлянского гидроузла — на стройку коммунизма, как его называет народ. Бригада была создана из артистов театра имени Ленинского комсомола и Большого театра Союза ССР. Все очень волновались. Ехали быстро. Вагон с артистами, как ценный груз, прицепляли к самым срочным эшелонам, шедшим на строительство. А надо сказать, поездов со всех концов страны идет сейчас в Цимлянскую многое множество. Сплошной поток, и на каждом вагоне надпись: «Срочно».

Такой грандиозной стройки мне еще не приходилось видеть. Подобной механизации работ я даже не представлял. Но что поразило больше всего — это размах и масштабы сооружения. Строится капитально, на века, на всю жизнь бессмертному советскому народу. Никаких «временок» мы не признаем и не делаем.

Строителям гидроузла мы отдали все, что могли. Жаль, что возможности наши были несколько ограничены — петь приходилось в закрытом помещении, а надо было бы петь в лучшем из лучших, в самом вместительном зале — в котловане будущего водохранилища. Размеры его огромны, глубина колоссальная, — даже стальные ветры туда не проникают. Нашему выступлению в котловане мешали зима, мороз.

Мы давали по два концерта в вечер и, несмотря на то, что одновременно со мной участвовали мои товарищи, я не мог унять двадцать — двадцать вещей, — народные песни, арии из классических русских и западноевропейских опер, песни советских композиторов. Нам присылали записки с просьбами исполнить то или иное произведение и, что опять порадовало меня, выбирали все самые лучшие, сложные, красивые вещи. Культурные у нас люди, строже и тоньше ценители!

Тяга к искусству у народа огромна. В нем ищут советские люди не забавы, не пустого развлечения. Искусство нужно им, как воздух, как вода жаждущему. И мы обязаны дать народу свежую, чистую родниковую струю подлинного, высокохудожественного искусства. Уважают у нас в стране артистов. Встречают хлебом-солью их. И мы должны во сто крат больше работать для наших слушателей и зрителей — замечательных советских людей, строителей коммунизма.

Максим МИХАЙЛОВ,
народный артист СССР.